

И. Ташдемир, В.Е. Скворецкая

Новосибирский государственный педагогический университет

О текстообразующем потенциале объектно-субъектного датива в произведениях А.С. Пушкина

Аннотация: Рассматривая участие датива в текстообразовании произведений А.С. Пушкина, авторы статьи выделяют использование прототипического (адресатного) значения данного падежа в выражении «лирического собеседника», анализируют употребление дательного падежа в экспликации мотива «судьба, рок» (повесть «Метель») и обращают внимание на эволюцию архаических форм датива, имеющих место в языке «Повестей Белкина».

Considering participation of the dative case in text-building of A.S. Pushkin creations authors of the article accent the use of prototypical (addressee) meaning of the given case in the expression of «the lyrical interlocutor», analyze the use of the dative case in the explication of motive «the destiny, fate» (story «Blizzard», «Metel») and pay attention to evolution of archaic forms of the dative, having place in the language of «Belkin's Stories».

Ключевые слова: дательный падеж, его прототипическое (адресатное) значение, текстообразование произведений А.С. Пушкина, «лирический собеседник», мотив «судьба, рок» (повесть «Метель»), архаические формы датива в языке «Повестей Белкина».

The dative case, prototypical (addressee) meaning, text-building of A.S. Pushkin, «the lyrical interlocutor», motive «the destiny, fate» (story «Metel»), archaic forms of the dative in the language of «Belkin's Stories».

УДК: 811.161.1'36 * + 821.161 1(092) Пушкин.

Контактная информация: Новосибирск, Вилюйская, 28. НГПУ, институт филологии. Тел. (383) 2440630. E-mail: itasdemir@fatih.edu.tr.

По частоте употребления в русской речи словоформы дательного падежа имени существительного (и местоимения) уступают таким падежам, как винительный, родительный, предложный. В художественных произведениях словоформы субъектно-объектного, в том числе адресатного дательного падежа субстантивов являются довольно частотными. Так, датив с объектно-целевой семантикой востребован в лирических отступлениях, например: **Любви все возрасты покорны**, но юным девственным **сердцам Ее порывы благотворны, как бури вешние полям...** (Евгений Онегин); в стихотворениях: *И долго буду тем любезен я народу...* (Памятник).

Дательный со значением адресата – естественный элемент послания, посвящения. Он нередко присутствует в заглавиях и выражает обращенность к конкретному лицу: **Катенину** (*Кто мне пришлет ее портрет...*); **К Баратынскому** (*Стих каждый в повести твоей...*); **К Батюшкову** (*Философ резвый и шиш...*); *Послание к Галичу*, *Послание Дельвигу*; **Няне**;

– в том числе к зашифрованному лицу: К*** (*Зачем безвременную скуку...*); К А.Б.*** (*Что можем наскорю стихами молвить ей...*);

– в том числе – к темпорально-дистантному адресату: *К Овидию, Лицинию, Принцу Оранскому*;

– обращенность к обобщенному адресату: *Калмычке, Поэту, Приятелям, К живописцу, К вельможе; Что в имени тебе моем?*;

– обращенность к предмету, явлению (квазиобращения): *К морю, К бюсту завоевателя; Фонтану Бахчисарайского дворца*.

К опосредованной адресованности можно отнести такие «дативные» заглавия, как *К портрету Вяземского, К портрету Дельвига, К портрету Жуковского, К портрету Чаадаева*. Пушкинские заглавия к стихотворным текстам, включающие дательный адресата, типа *Из письма к Гнедичу (В стране, где Юлией венчанный...)*; *Из письма к В.Л. Пушкину (Христос воскрес, питомец Феба...)*, – проявляют жанровую оригинальность: их вряд ли можно отнести к эпистолярному жанру, так как прямых средств выражения адресованности (вопросы, формы второго лица местоимений, глаголов; обращения) в них обычно нет. Содержание подобных текстов может быть связано с описанием «адресата», его мыслей, желаний, чувств, забот, предпочтений. Приведем пример:

Из письма к князю П.А. Вяземскому

*Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом
И над славенскими глупцами
Смеется русскими стихами...*

Эпистолярный жанр сохраняется, когда слова «письмо», «послание» в заглавии использовано в форме именительного падежа. Например, *«Письмо к Лиде»*, в котором присутствуют и прямые (*ты, О Лиде, узнай, твоей обители*), и опосредованные (*смелые трепетные руки, воспаленное дыханье*) средства выражения адресации.

Адресатное значение датива, присутствующего в стихотворных заглавиях пушкинских текстов, часто является началом ассоциативного ряда адресованности, скрепляющего текст. Например: *Мой первый друг, Мой друг бесценный! И я судьбу благословил, Когда в мой двор уединенный, печальным снегом занесенный, Твой колокольчик огласил. Молю святое провиденье, Да голос мой душе твоей Дарует то же утешенье... (И.И. Пущину)*. Дательные адресата (*душе*), притяжательное местоимение *твой*, обращение *друг* и потенциальные обращения (*святое провиденье, судьба*) соотносятся с лирическим адресатом (= собеседником); формы первого лица (*мой, я, молю*) эксплицируют лирического героя.

О. Мандельштам («О собеседнике», 1913) писал: «Нет лирики без диалога. Ты – краеугольный камень лирического текста» [цит. по: Гин, 1996, с. 95]. Содержание образа поэтического «Я», по Мандельштаму, оказывается производным, зависимым от содержания образа *адресата*; «момент обращенности речи – сам по себе формальный, внешний, почти технический, – становится фактором, определяющим смысл и даже ценность поэтического произведения» [Там же, курсив наш – Е.С., И.Т.].

Говоря о «лирическом собеседнике» («таинственном, провиденциальном»), как непрременном факторе адресованности поэтического произведения, О. Мандельштам в финале своего теоретического трактата «Разговор о Данте»

написал значимые и для нашего исследования слова: «Нас путает синтаксис: все именные падежи следует заменить указующими направлением дательными (Здесь имеются, прежде всего, в виду обращения, приложения-характеристики лица, использование местоимений *ты, вы* – *Е.С., И.Т.*). Это закон обратимой и обращающейся поэтической материи, существующей только в исполнительском порыве... здесь все вывернуто: существительное (в именительном падеже) является целью, а не подлежащим фразы» [Гин, 1996, с. 96].

Словоформа дательного, обозначающая квазиадресованность в пределах стихотворного заглавия, тоже может стать началом ассоциативной индивидуально-авторской цепочки, организующей весь текст. Так, в стихотворении А.С. Пушкина «*К моей чернильнице*» находим неожиданный ассоциативный ряд:

*Подруга думы праздной,
Чернильница моя;
Мой век разнообразный
Тобой украсил я...
Сокровища мои
На дне **твоём** хранятся.
Тебя я посвятил
Занятиям **досуга**
И с **ленью** помирил,
Она **твоя подруга**...*

Индивидуально-авторские объединения: *чернильница / подруга; дума праздноя / досуг / лень, лень / подруга* – переводят отрицательное в обыденном языке впечатление от слов *праздная, лень* в другой смысл, связанный с творческим вдохновением (*лень = муза*).

Ср. также:

*...Приди, о лень,
Приди в мою пустыню,
Тебя зовут прохлада и покой,
В одной тебе я зрю свою богиню,
Готово все для **гостыи** дорогой...*

Семантика словоформы родительного с предлогом *для* (*для гостыи*) соответствует адресатно-презентативному дательному (Ср.: *подарить Даше сережки; купить ребенку ботиночки*).

Выявленные окказиальные лексические парадигмы адресованности являются средством коммуникативной стратегии текста, концентрируют содержание стихотворения, создавая его смысловую насыщенность, «сгущение смыслов» (А.А. Потебня).

Более сложные способы выражения поэтической адресации встречаются при видоизменениях структуры высказывания и при усложнениях семантики обычных средств обращенности.

Так, если обратить внимание на строчку из пушкинского стихотворения «Зимнее утро»: «*А знаешь: не велеть ли в санки кобылку бурую запречь?..*», то можно наблюдать следующее. Дательный адресата здесь материально не выражен, но в глубинной структуре предложения он присутствует, о чем свидетельствует употребление потенциально перформативного глагола *велеть* (кому?). Особый интерес вызывает глагольная словоформа второго лица *знаешь*. Это прямое средство адресации в данном случае осложнено модально-императивной семантикой: значение глагола *знать* ('иметь представление, понимать') уходит на второй план, актуализируется смысл императивной частицы «давай». Полностью

номинативное глагольное значение не исчезает, о чем свидетельствует стоящее после него двоеточие, указывающее на пояснительные отношения в бессоюзном сложном предложении. *Знаешь* в приведенной пушкинской стихотворной строчке выполняет функцию приглашения лирического собеседника к совместному действию. Глубинным смыслом фрагмента «*А знаешь*» является: *я говорю тебе / приглашаю тебя...*

Субстантивный датив с предлогом и без предлога является довольно распространенной формой и в языке пушкинских «Повестей Белкина». Например, в повести «Барышня-крестьянка» на 17 страницах текста – 115 употреблений датива, а в повести «Метель» на 12 страницах – 94 употребления изучаемой формы, то есть направленность к лицу, к предмету важна для формальной и содержательной когезии [Гальперин, 1981] этих текстов. Преобладает адресатная и пространственно-временная семантика формы дательного падежа, что естественно для новеллы, предполагающей встречи героев, их свидания в определенном месте, в определенное время.

Значение адресата естественно соединяется с глагольной семантикой говорения, жеста; есть потенциальные перформативы (*советовать, клясться, предложить*); интересны случаи самоадресации (*возражала себе самой; смеялся своему смеху*). Дательный адресата при глаголах общения соседствует и с формой объекта речи (винительный падеж, прямая речь, предложный падеж, придаточное изъяснительное). Указанное окружение адресатного датива создает комплексное синтаксическое значение, связанное с ситуацией общения героев. В ситуации «давания» проявляется семантика, близкая к адресатной («*даю тебе три дня*», «*подарила ей баночку английских белил*»). Адресатный датив – это разновидность субъектно-объектной семантики в том смысле, что обратной стороной адресата является то, что в общении роли адресата и адресанта меняются (в пределах предлога).

Субъектно-объектные отношения, выражаемые дативом, могут быть сюжетно значимыми. Так, в повести А.С. Пушкина «Метель» присутствует мотив **невольности** осуществления события, мотив судьбы, рока – важный концепт в русской картине мира [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 481–540; Стеклова, 2002]. И в его выражении принимают участие формы дательного падежа. Одни из них связаны с названием лица, личными местоимениями, другие – с отвлеченными существительными. Рассмотрим это подробнее.

Невольность осуществления события по отношению к персонажу подчеркивается словоформой дательного падежа, которая управляется глаголом или глагольным фразеологизмом, обозначающими неконтролируемые психические, в частности, интеллектуальные, состояния героя: *Разумеется, эта счастливая мысль пришла в голову молодому человеку... и она понравилась воображению Марии Гавриловны. Дрожащим голосом объявила она (Маша), что ей ужинать не хочется*. В первом предложении можно наблюдать в словоформе дательного падежа метонимический перенос: часть интеллектуальной жизни героини (**ее воображение**) как бы становится ее представителем.

Обратим внимание на безличное предложение: *Ямщику вздумалось ехать, рекою...* Здесь датив указывает на субъекта невольности. Рассказчик намекает на то, что все определяется неумолимой судьбой: какие-то незримые силы руководят ямщиком и самим Бурминым: **Непонятное беспокойство овладело мною: казалось, что кто-то меня так и толкал**. Герой неожиданно попадает на место другого (в церквушке) и женится на чужой невесте. И, несмотря на то, что этому «другому» (Владимиру) «дорога была знакома», он заблудился: судьба все повернула по-своему. Тщетны оказались стремления героя: блуждание Владимира в метели описывается с частым применением дательного падежа со значением контролируемой направленности к объекту или лицу: *...увидел недалеко деревушку, состоящую из четырех или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой*

избушки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну, стал стучаться... Владимир заплатил **проводнику** и поехал на двор к **священнику**.

В этой повести само слово «судьба» нередко приобретает форму дательного падежа или зависит от этой формы: (Бурмин) *Теперь уже поздно **противиться судьбе моей***. Используются в форме дательного и другие отвлеченные существительные. Рассказчик, обращаясь к читателю, говорит: «*Предоставив барышню **попечению судьбы и искусству Терешки-кучера, обратимся к молодому нашему любовнику...***».

В выражении невольности принимает участие и глагол *предаться* ('отдаться на волю судьбы') в сочетании с формой дательного падежа «имени действия, состояния» [Золотова, 1988, с. 127]. В значении указанного глагола тоже есть компонент, отрицающий волю. (Бурмин) = *Я поступил неосторожно, **предавшись тайной привычке***. *Привычка* – «ставшая постоянной, обычной какая-то склонность, потребность совершать те или иные действия» [МАС, 1988]. Определение «тайная» подчеркивает неконтролируемость происходящего.

Подверженность судьбе, зависимость от нее выражается и в констатации безвыходного положения Владимира; это подчеркивается фразеологизмом: ***Остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти***. Семантика невольности, неконтролируемости соединяется в этой повести с выражением досады героя (Владимира), который не может (как бы он ни хотел) справиться с внешним препятствием. Это препятствие названо словоформами дательного падежа в рамках безличного предложения (синтаксическая безличность – одно из средств выражения неконтролируемости): *...**А полю не было конца...** Все сугробы да овраг, **роще не было конца...*** (Владимир с ужасом заметил, что **заехал в незнакомый лес**).

Смыслы, близкие значению невольности осуществления события, проявляются и в двусоставном предложении с определенным характером предиката, от которого зависит словоформа дательного падежа в значении «субъект непроизвольного состояния» [Золотова, 1988, с. 119]. Предикат называет неконтролируемые душевные состояния героев: *Она ему очень **нравилась***. Он (Бурмин) *имел именно тот ум, который **нравится женищинам***. Предикат состояния может быть выражен прилагательным: *Тайна всегда **тягостна женскому сердцу***.

В судьбе пушкинских персонажей принимают участие не только невидимые силы, но и родители Марии Гавриловны: *...они **запретили дочери о нем*** (Владимире) *думать...*; (Маша:) *...воля жестоких родителей **препятствует нашему благополучию...*** В этом случае компоненты «воля», «запретили» в рамках смысла «судьба» частично нейтрализуют значение «невольность».

В выражении мотива судьбы участвуют и устойчивые обороты с дательным (или творительным) падежом. Эти падежи иногда параллельны. Ср.: *Чему / над чем смеетесь?* Они указывают на обычность в изменении обстоятельств: *Мария Гавриловна была воспитана на французских романах и, следовательно, была влюблена. **Само по себе разумеется*** (Ср.: *само собою скажется – Т.И.*), *что молодой человек пылал равной страстью*. Устойчивое местоименное сочетание с формой дательного падежа «тому подобное» завершает известное рассуждение родных о **судьбе** Маши: *Она (мать Маши) **советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и, наконец, единогласно все решили, что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком и тому подобное***. Далее повествователь поясняет (частично включая и смысл невольности): «*Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя что-то можем выдумать себе в оправдание*».

Участие дательного падежа в текстообразовании «Повестей Белкина» интересно для исследователя-филолога потому, что, наблюдая их язык, можно увидеть моменты эволюции данной формы, особенностей ее употребления, так как со времени написания этих произведений прошло около 200 лет.

Архаичность некоторых элементов речи особенно заметно присутствует в предисловии «От издателя». Они являются стилиобразующими – оформляют речь издателя, который особо доверяет старинному слогу. Даже в эпитафии, взятом из комедии Фонвизина «Недоросль», есть словосочетания, которые современный носитель русского языка почти не употребляет: ...он *сызмала к историкам охотник*. Дательный падеж управляется существительным, в котором еще жива внутренняя форма – от глагола *хотеть*. Если сейчас представители старшего поколения и применяют управление словом «охотник», то с предложением ДО + родительный падеж: *охотник до киселя / конфет / девушек*.

В речи персонажей, принадлежащих к простому сословию, например, Насти («Барышня-крестянка»), можно встретить потенциальное вводно-модальное слово *по мне* (= как я думаю): *Да по мне, это еще не беда...* В архаизованной речи издателя сочетание с этой же семантикой соответствия – *по сему*: *А по сему скажем следующее* (в современном языке – *поэтому*)... Ср. также у Фонвизина в «Недоросле»: (*Скотинин*) *Митрофан по мне*, то есть таков же, как я. Сейчас значение сравнения-уподобления (или соответствия) осталось в основном в наречиях, этимологически восходящих к форме дательного падежа (*по-лиси, по-моему*), в причинном союзе *потому (что)* и причинном местоименном наречии *поэтому*.

В предисловии «От издателя» также находим:

– лексические и синтаксические архаизмы, соотношенные с дативом: *к оным присовокупить (оний = тот); Мы следовали сему совету (сей = этот); охота к чтению и занятиям по части русской словесности; Сему-то почтенному мужу он, кажется, обязан; был ко мне привержен...* Здесь (как и выше) отметим характерную инверсию дательного падежа: *мужу обязан; к оному присовокупить;*

– архаическое управление: ...*отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности*. Сейчас глагол *удовлетворить* управляет словоформой винительного.

Итак, наблюдения субъектно-объектного датива в языке произведений А.С. Пушкина свидетельствуют о заметном участии этой формы в текстообразовании. Ее прототипическое значение адресованности активно и разнообразно проявляется в характерных для творчества поэта посланиях, посвящениях, письмах – и прежде всего в их заглавиях, которые обычно являются началом цепочек обращенности в самом тексте стихотворения.

Обращение к прозаическим текстам поэта («Повести Белкина») расширяет представление о семантических функциях субстантивного дательного: его словоформы активно участвуют в выражении мотива судьбы в повести «Метель». Тексты пушкинских повестей интересны для филолога-историка: они содержат некоторые архаические формы датива, примеры его устаревших синтаксических связей и лексических наполнений этой формы; в них можно наблюдать становление единиц, возникающих на базе предложного датива (*по-моему, поэтому, потому (что), тому подобное*), параллелизмы дательного и творительного, дательного и родительного / винительного.

Литература

- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Концептуализация русского языка. М., 1997.
Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий. СПб., 1996.
Золотова Г.А. Синтаксический словарь. М., 1988.
Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой: В 4 т. М., 1985–1988 (МАС).
Стексова Т.И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. Новосибирск, 2002.